

О евгенике, альтруизме, селекции как факторе эволюции и «мировом заговоре»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1466>

4 октября 2012

Собеседник

Глэд Джон

Ведущий

Споров Дмитрий Борисович

Дата записи

Беседа записана 4 октября 2012 и опубликована 8 декабря 2014.

Введение

Во второй беседе Джон Глэд рассказывает о евгенике и своих достижениях в этой области, о восприятии евгеники его соотечественниками и научным сообществом, рассуждает о совести и морали, об альтруизме, идеологии и политике. Джон дает пессимистическую оценку и советскому, и российскому, и современному западному обществу, невысоко оценивает и саму возможность изменить устройство вещей.

Дмитрий Борисович Споров: Сегодня я бы хотел спросить вас именно о социобиологии и евгенике, о том, что для вас значит занятие этой наукой. И подготовил несколько вопросов, их получилось тринадцать, но, думаю, их будет около десяти.

Джон Глэд: По-английски это называется пекарская дюжина. Есть такое выражение по-русски?

Д.С.: Чертова дюжина.

Д.Г.: А, ну да.

Д.С.: Я постараюсь задавать их вам в процессе разговора. Для нас это было бы открытием нового направления научного знания, потому что мы записываем биологов, генетиков, химиков, а по евгенике записей у нас не было. Учитывая положение евгеники, которое, наверное, во всем мире непростое, запись с ученым, который пришел к евгенике, к более широкому пониманию евгеники как глобальной опасности и как общей теории развития человечества, конечно, очень интересно. Первый вопрос: к какой научной школе вы себя причисляете в евгенике, есть ли они и, понимая, что вы занимаетесь социокультурной евгеникой, если есть такой термин, социобиологией, кого бы вы назвали своими вдохновителями, учителями, ролевыми моделями, на кого вы смотрели в вашей научной [деятельности]?

Д.Г.: По большому счету, евгеника осталась на своих первоначальных позициях — с некоторыми небольшими изменениями, но мы теперь знаем куда больше о генетике, чем раньше знали. Если взять развитие евгеники, то, конечно, начало заложил Фрэнсис Гальтон, двоюродный брат Дарвина, который был просто гений. Он в значительной степени создал и современную статистику.

Д.С.: Это, так сказать, классики. Я имел в виду тех, с кем вы общались.

Д.Г.: Ну, в какой-то степени это будет Герберт Мессингер, профессор генетики в мединституте Доминики. Как по-русски? Доминика?

Д.С.: Доминиканская республика?

Д.Г.: Не-не-не. Dominica island — есть такой остров в Карибском море.

Д.С.: Доминикана.

Д.Г.: Он мою книгу, первую книгу по евгенике, перевел на немецкий язык. Есть и другие, однако всегда проблематично, потому что многие сторонники привносят в евгенику некоторую нежелательную идеологическую нагрузку. И у нас целый ряд запретных тем, которые нельзя обсуждать.

” Я лично хочу заново установить авторитет евгеники, несмотря на сорок лет пропаганды против нее. И это непросто, потому что большинство людей понятия не имеют, что такое евгеника, но знают, что это бяка.

Д.С.: Они знают, что это улучшение человеческой расы путем убийства слабых.

Д.Г.: Да. Конечно, если взять любое движение, можно все что угодно найти. Но уже когда началась Вторая мировая война все ведущие англо-американские евгеники выступили против Гитлера, против расовой дискриминации. Многие представители евгеники погибли при Сталине и при Гитлере. И в конце 1960-х годов, когда началась настоящая травля... Есть такая фикция, что евгеника показала себя как научно не обоснованный взгляд, еще в 1920-е — 1930-е годы генетики отказались сами от нее, а после Второй мировой войны люди поняли, какой это «ужас», ну и так далее.

Но на деле евгеника спокойно пережила Вторую мировую войну, при очень сильной поддержке еврейской общины. Президентом американской ассоциации евгеники был Шапиро, Harry Lionel Shapiro.

Он знал, что евгеника — это совсем не геноцид и холокост. В любом мифе можно найти что угодно при любом политическом движении, и были [в евгенике] нежелательные элементы, но в основном это неправда, это просто была неправда. Это была политическая кампания, рассчитанная на то, чтобы повлиять на будущее, скорее, чем объективное, точное изображение прошлого.

Д.С.: Скажите, а какие вы видите в будущем для вашей области знания, вашей науки проблемы и сложности? У евгеники такой сложный путь развития — а дальше, что будет дальше?

Д.Г.: Не могу сказать, что я оптимист. Альтруизм людей в основном — это сфокусированный альтруизм, не то, что я называю рассеянным альтруизмом, — он направлен на собственных детей и внуков, и у людей в целом — они не проявляют особой озабоченности о судьбе будущих поколений. Что касается будущего — я решил что если есть семь миллиардов человек на свете, то один пенсионер может позволить себе толкать это... *(смеется)*.

Д.С.: Но вы же не одиночка?

Д.Г.: Я не одиночка. Есть и другие, но очень часто люди слишком много значения придают своим личным антагонизмам. Я не хочу чтобы евгеника возродилась в таком ключе.

Д.С.: Применительно к евгенике наверняка больше чем к любой другой науке фальсификаций, спекуляций и псевдонаучных толкований. [Каковы] ваши критерии научности в вашей области знаний?

Д.Г.: Вы понимаете, что евгеника это практически все стороны человеческой деятельности: это и антропология, и философия, и биоэтика, история, политика, экономика, социология — все перемешано. Обычно когда говорят о науке, говорят о какой-то узкой области, а тут — практически все. А какой вопрос был?

Д.С.: Критерии научности. Если так много лженаучного кругом.

Д.Г.: Основная идея, что человек подлжит тем же принципам эволюции по Дарвину, что и другие виды, но у нас по политическим соображениям проповедуют взгляд, что [человек —] одно животное, которое является продуктом эволюции, но для него этот процесс прекратился.

Д.С.: Не по политическим, а по идеологическим и религиозным в первую очередь.

Д.Г.: А это все одно и то же, это все перемешано.

Д.С.: Для нас это просто становится новостью. Я считаю, что сейчас очень существенный этап именно в трансформации идеологической составляющей у нас в стране.

Д.Г.: Но религия и есть идеология, а идеология — есть политика. <...> Если встать на эту точку зрения, то мы должны признать, что эволюция не кончилась для человека и эволюция происходит сегодня. Какие факторы определяют эту эволюцию? Вообще-то эволюция для других видов... Те индивидуумы, которые обладают наиболее ценными [признаками] для своей конкретной среды — у них лучше шансы для выживаемости.

О традициях и традиционализме

Д.С.: Как вы относитесь к сосуществованию в современном мире, в открытом обществе научного мышления и, скажем так, традиционных или традиционалистских форм мировосприятия. Применительно к борьбе за евгенику как за науку, мне кажется этот вопрос не праздный.

Д.Г.: Ну видите, мы, как любое общество, существуем в море мифологии: что нет разнообразия в человеческих популяциях: не между ними, ни внутри них, что все люди практически одинаковы, что среда все предопределяет — у Маркса это называется «бытие определяет сознание». Это явный абсурд — люди очень разные и слава богу, что они разные. Но отрицание, что все определяется средой, а гены

это ноль, что мозг человека — это вопрос программного обеспечения: по-английски «software», а не «hardware» — машина, а машины разные. Есть большой разброс между людьми и простой процесс происхождения и мутаций меняет положение. Ведь вся цель любой медицины — не только современной, — покончить с фактором, который нас определяет и поддерживает любой вид, это селекция. Все большие социальные процессы влияют на процесс деторождения. Кто имеет больше детей, кто меньше.

Любой большой процесс общественный влечет за собой изменения условий селекции. Это запретная тема, это цензура — любые разговоры о разбросе генетическом пресекаются автоматически.

Д.С.: Во всех обществах и научных кластерах или нет?

Д.Г.: В какой-то, большой степени это оправданно: классовая спесивость, ненависть к другим расам. Почему спорт так популярен для зрителей, футбол, скажем? Это же псевдвойна.

Д.С.: Абсолютно.

Д.Г.: В людях заложено болеть за свою команду. Лично я сторонник универсалистской евгеники, то есть мы, люди, должны... Это вопрос справедливости в отношении будущих поколений. Есть настоящий конфликт между поколениями, но идеология, которая отрывается от реальности, — это путь в никуда. Если взять человеческую эволюцию... Сопоставим, скажем, эволюцию гепардов с эволюцией собак...

Д.С.: Вы приводили этот пример в книге: у гепардов различия минимальные, а у собак колоссальные.

Д.Г.: Да, видимо, в одно время, может быть, одна пара гепардов оставалась в живых или несколько, так что они практически все близнецы. А если взять собак, они все от волков, но разных подвидов волков. И сверх естественной эволюции волков у нас потом сознательно разводили собак. Я не сторонник того, чтобы мы разводили людей, как животных. Но вместе с тем не признавать, что условия селекции радикально изменились, — это ужасно, потому что последствия налицо.

Если взять XIX век, даже не только XIX век, но любое общество: есть люди более успешные, чем другие. А как быть с нашими собратьями на планете, которые не так счастливо одарены природой? Имеет ли право ребенок на здоровье и интеллект, не обязаны ли мы, родители, думать о том, какое генетическое наследие будет у человечества в дальнейшем? Но если отрицать любой генетический разброс между популяциями и внутри популяции, если отрицать, что селекция никогда не кончается... Она может быть научная или естественная. А естественная эволюция — это неприятная вещь.

Д.С.: Да, это жестокая вещь.

Д.Г.: Да. Но эмоции диктуют, эмоции и пропаганда.

Д.С.: Вы сказали о том, что люди различны, в нашем, так сказать, подвиде *Homo sapiens sapiens* есть различия, которые часто не признаются. Но, на ваш взгляд, может быть, даже не в физиологическом плане, а в вопросе восприятия, что сейчас больше всего разделяет людей, по каким группам или, может быть, подвидам они делятся?

Д.Г.: Если взять политические разногласия, распри, споры, войны и так далее, это, как правило, конфликты между ныне здравствующими группами: кто себе больше отхватит. Евгеника — это заинтересованность в первую очередь в благополучии будущих поколений. Это вопрос справедливости. А если слепо говорить, что все люди абсолютно одинаковые или практически одинаковые... Конечно, никто не говорит, что селекция кончилась, это было бы слишком глупо, просто это подразумевается.

Д.С.: Нет, говорится о том, что геологическое время несопоставимо с человеческим, селекция идет, но мы, люди, которые живем в XIX, XX, XXI веке, ее не ощущаем. Хотя, как вы справедливо пишете в книге, те революционные изменения, которые произошли сейчас, неизбежно имеют следствием изменение и мутацию. Я знаете что еще имел в виду: мне кажется, что сейчас (может быть, вы со мной совсем не согласитесь) идеологические разногласия и вопрос именно мировосприятия — он, может быть, один из ключевых в разделении людей, в отделении одних от других. Разделение по цвету кожи — как будто бы мы от него отошли. Разделение по религиозному принципу — оно присутствует и, видимо, будет

нарастать, но все-таки оно остается (хочется верить) где-то на периферии, в своем мирке. А следствие религиозности, следствие бедности, еще чего-то — общее мировосприятие, либо научное, грубо говоря, либо христианское. Поскольку и наука, и христианство вышли из Европы (а мы все имеем пока еще европоцентричную культуру), то противоречия, мне кажется, применительно к евгенике, разделение людей, они нарастают. На ваш взгляд это так?

Д.Г.: Разделение на религиозное...

Д.С.: Назовем его традиционное мировосприятие и «научное» (в кавычках), критическое.

Д.Г.: Я уже об этом раньше говорил, когда читал лекцию в МГУ. Религия — это первая наука. Это попытка осмыслить мироздание, свое место в нем человека. Потом появляется настоящая наука, люди начинают все больше и больше понимать. Но у людей, когда у них есть потребность верить во что-то, они в это верят. Люди верят в то, во что хотят верить.

Когда я читал лекции, мы говорили о том, куда это все ведет, и там один [слушатель] спрашивал: «Может быть, будет новый цикл, и мы вернемся опять к религии?». Это я не исключаю, потому что, как мы видим, наука развивается, и, казалось бы, мы проблемы понемногу разрешаем, но в конечном итоге, бог знает когда, мы либо все узнаем и будем все знать, либо нам не удастся этого сделать. Вполне возможно, что мы узнаем, что, в самом деле, существует не одна вселенная, а бесконечное количество этих вселенных, что законы, которые мы разрабатываем в нашей вселенной, действуют и в других, мы убедимся, что это у нас жалкие попытки осмыслить то, что нам не дано, и наука не достигнет поставленной ею же цели — все понять. Мы либо поймем все, либо мы не поймем.

Д.С.: Ну это же цель отодвигается постоянно.

Д.Г.: А если мы не поймем все, тогда можно будет защищать религию, которая не нуждается в том, чтобы все было доказано. Но если мы все поймем... Я лично трансгуманист, современные компьютеры — это бинарные счетные машины. Так, как они работают, не функционирует биологический мозг, архитектура абсолютно другая, совершенно другие принципы. Но мы ограничены, как люди, проходимость родильного канала, это определяет, какого размера может быть череп. Но допустим, мы воспроизведем новую совершенно архитектуру компьютера, которая будет как Пентагон, скажем, по размерам, на совершенно других скоростях — это будет то, что Луначарский в начале двадцатого века назвал «богостроительством», то есть мы создадим совершенно новый интеллект. И где будет наше место? Мы будем такими же жалкими перед таким мозгом, как домашние животные перед нами, даже больше. Мы что, сохранимся в зоопарке? (*Смеются.*) Это мы забегаем вперед, но вы подумайте, как недавно начали создавать компьютеры и чего мы уже достигли. Подумайте, что будет через тысячу лет, если мы еще будем в живых как биологический вид.

О значении интеллектуальной элиты и альтруизме

Д.С.: Понятно. А считаете ли вы, что с изменением общества и со стремительным ростом технологических решений, с изменением, в принципе, социума, возможен переход от научно-технической революции к революции социальной, при которой основные позиции будут занимать ученые, то есть люди, которые имеют достаточный уровень знаний, интеллекта, чтобы справиться с этими машинами?

Д.Г.: Ну, понимаете, интеллектуалы, ученые, у них раздутое впечатление о собственном значении. У них у всех такое наваждение: «Я напишу книгу, покажу, как надо, где правда, где неправда — и все поверят, поймут, и все будет прекрасно». Ничего подобного. Их значение в конечном итоге, казалось бы, мощное, но если бы не было тех общественных факторов, которые толкали тот или иной взгляд, их влияние было бы фактически ничтожным. Возьмите последние, скажем, сто пятьдесят лет. За этот период произошла огромная революция в генетике. Подумайте, Дарвин понятия не имел о механизме, результаты которого он прослеживал. Какой этот механизм — хромосомы, гены — он не знал. Тут еще при Сталине высмеивали, отрицали существование даже гена. И одновременно с развитием всей технологии биологической,

с нашим огромным пониманием, новым пониманием человека и других животных (большинство осталось, правда), одновременно с этим мы уступили этот спор поклонникам антинаучного взгляда. Конечно, люди не утверждают, что эволюция кончилась, но это исходит из их слов, когда они отрицают разнообразие мутации и последствия изменения условий. И теперь у нас такой взгляд, что все одинаковы, разница между ними, в основном, объясняется средой. Надо изменить среду, и все будет прекрасно. Если студент не знает, это вина учителя. *(Усмехаются.)* Я бы не хотел, чтобы люди все стали одинаковыми, это нежелательно, но, как сказал один евгеник (в начале XX века): «Я, может быть, не всегда представляю себе, что желательно, но очень часто имею очень четкое представление о том, что не желательно». *(Усмехается.)*

Так что у нас, если говорить о генетике, просто революция. Невероятно, это как взять астрономию Коперника, Галилея. И одновременно с этой революцией мы отрицаем все то практическое, что из нее следует. То есть мы принимаем конкретные открытия. Скажем, у вашего ребенка какое-то генетическое заболевание: мы рады узнать, что там такое, как это объясняется. Но как только люди начинают обобщать и говорить в более общих категориях, разговор прекращается.

Д.С.: Из ответа на ваш вопрос следует два направления мысли. Раз вы заговорили об элите и раздутым месте элиты, даже интеллектуалов, а не элиты, скажите, что для вас является смыслом, было такое у Ницше — интеллектуальная совесть. Есть ли такое в вашем мировоззрении понятие?

Д.Г.: Видите, я признаю: у меня тоже есть личные противоречия. Но если, скажем, взять биологию, то когда речь идет о совести, моральных так называемых проблемах, мы знаем, что имеется ввиду, а когда биологи это рассматривают, они говорят, что человек, его мозг — это машина как любая другая машина, только биологическая, и все объяснимо. Нет, и это очень важно: ничего не случается без причины. Если я держу что-нибудь в руке и разжимаю пальцы, предмет падает, — при чем тут мораль? Мы делаем, что хотим, но мы же не решаем, чего мы хотим.

” Человек принимает решение, потому что это машина, любая машина работает по таким-то принципам, делает то-то и то-то. При чем тут мораль?

Лично я, признаться, в это верю, но для себя принимать не могу. Когда смотришь программу по телевизору или читаешь: тот или иной человек совершил ужасное преступление, просто отвратительное — и вы думаете, а почему он это сделал? Если вы ученый, то стараетесь понять: то-то и то-то случилось, это привело к тому и так далее. Причем тут мораль? Мораль не существует. И даже альтруизм понимается как обоюдная помощь: рука руку моет.

Д.С.: «Рука руку моет» — про другое немножко, но это не важно.

Д.Г.: Это другое значение имеет?

Д.С.: «Рука руку моет» — это взяточничество скорее, когда один покрывает другого. Ну, неважно.

Д.Г.: В общем, так оно и получается. Не правда ли, я вам помогаю, потому что с этого что-то имею? Хотя я себя чувствую хорошо, мне это приятно: чувствовать себя вашим благотворителем.

Д.С.: Наверное... Здесь как раз не так однозначно все, и можно предположить, что есть у человека некоторая склонность. Вы же знаете об альтруизме и о взаимопомощи среди дельфинов, волков и даже, по-моему, синих китов.

Д.Г.: Понимаете, когда биологи рассматривают альтруизм, они говорят: альтруизм — потому что это выгодно. Очень важно понимать, что социобиология предполагает первенство гена над индивидуумом. Может быть, себе во вред, но вы вашим генам дали преимущество.

Д.С.: Раз уж мы заговорили об этих вопросах, близких к медицине, морали и социобиологии,

социогенетике, скажите, ключевые вопросы биоэтики, которая, так сказать, растиражирована, вы для себя их как определяете? Будь то эвтаназия или что-то еще.

Д.Г.: Этика какая? Этика, потому что бог сказал, и надо делать. Есть и этика, скажем, утилитарная, где речь идет о наибольшем благе для наибольшего количества людей. Я сторонник второго взгляда.

Д.С.: Утилитарного?

Д.Г.: Да.

Д.С.: А позволяет ли вам надеяться на будущее развития человечества, так сказать, вера в хороший конец? Сможет ли человечество осознать, понять, принять те же вопросы социобиологии, евгеники — что они необходимы, что нужно что-то делать? Или человечество безумно в принципе? Мы же знаем, что так делать нельзя, но все равно происходит. Война — безумие, но человечество ведет войны и вряд ли прекратит их вести, и так во многом. И вот это безумие, которое можно объяснять как угодно: проклятием дьявола, чем угодно, — позволит ли оно совершить правильные шаги и не дозволит ли человеческому роду просто скатиться в пропасть болезней, деградации и всего остального?

Д.Г.: Понимаете, евгеника — это часть большой картины. Любое общество должно соблюдать или хотя бы не мешать четырем факторам. Надо, чтобы популяция не превышала емкость биосферы. Как я только что говорил на лекции в МГУ, за последние двести пятьдесят лет человечество увеличило свою численность то ли в двенадцать, то ли в тринадцать раз. (Смотря кто как подсчитывал, какой была популяция двести пятьдесят лет назад.) Это количественный вопрос. Потом окружающая среда. Надо, чтобы были ресурсы. Если мы израсходуем все ресурсы, что же мы будем делать тогда? Так что рано или поздно мы должны будем ограничиваться теми ресурсами, которые не истощаются: скажем, солнечная энергия, хотя, конечно, и она кончится через каких-то пять миллиардов лет.

Д.С.: Ну, или можно представить, что будет изобретена вот такая батарейка, которая будет помещаться в мизинец и будет работать всю твою жизнь. И будет достаточно тебе вставить эту батарейку, чтобы ты летал по воздуху — и все. В принципе, то, как идет развитие человеческой техники, позволяет предположить вообще все что угодно.

Д.Г.: Да, и мой сын объявил, что не хочет работать, а хочет быть писателем и жить с гонораров. Я был очень рад, если бы он это сделал, но я в это не верю. (*Смеется.*) Вы правы, но мы не можем прогнозировать науку, а пока что наука применяется для того, чтобы нарушать естественные принципы. Они связаны друг с другом неразрывно: обновляемые ресурсы и число людей. А потом чистота окружающей среды. Что мы делаем? Ужас какой-то! И потом здоровая умная популяция. Вот четыре фактора. Альтруизм наш в основном направлен на наших детей, может быть, на внуков. А когда дальше идешь, спрашиваешь людей, они пожимают плечами и говорят, дети придумают что-нибудь. На деле нам все равно.

О желании иметь детей и демографии

Д.С.: Но ведь это как раз и есть следствие естественного отбора, естественное следствие: я не могу всем помогать. Если я буду помогать всем, я не помогу своим детям.

Д.Г.: Да, тем более что мы созданы такими. Вы правы, но когда речь идет о том, чтобы жертвовать ради каких-то еще не родившихся детей, которых мы не знаем, которых плохо себе представляем, — нет стимула, нам все равно.

Было несколько случаев в Америке. Вот один такой случай. Женщина не могла рожать. Она так хотела детей, что вырезала ребенка из живота другой женщины, совершенно ей незнакомой. Было несколько таких случаев. Волосы дыбом становятся, когда читаешь такое, но спрашивается, почему, откуда это стремление иметь детей у одного человека, а у другого оно начисто отсутствует?

Д.С.: Как вы это объясняете?

Д.Г.: Я думаю, в значительной степени есть биологическая потребность. Люди, которые не хотят детей, не имеют детей, или реже имеют детей, чем раньше. Раньше они все равно имели детей, потому что секс без детей...

Д.С.:... Был невозможен.

Д.Г.: Да. А теперь это вполне возможно. Кто не хочет детей, может запросто сделать так, чтобы у него была абсолютно нормальная сексуальная жизнь, а детей не будет.

Д.С.: Но почему некоторые не хотят, а другие хотят?

Д.Г.: Это как любой вопрос, где переплетение...

Д.С.:... Всего.

Д.Г.: ...генов и среды. Но в какой-то степени нам это еще не известно.

Есть биологическая потребность, и теперь у нас селекция людей, которые рожают детей, потому что хотят иметь детей. А люди, которые не хотят иметь детей, могут себе позволить не иметь — новая селекция.

Надежда какая? Что произойдет демографический переход, что в современных обществах люди, понимая, что дети — это экономический минус, будут меньше рожать. И популяция стабилизируется. И так оно и получается, например, в европейских популяциях, и, кстати, в Китае тоже, уже на менее демократических, мягко говоря, основаниях, в Японии, которая страдает от перенаселения. Не всюду, но опять-таки в этих обществах, где как бы уже произошел демографический переход, селекция идет. Я живу в Вашингтоне, где только что состоялась конференция организации Population Reference Bureau, ежегодная лекция, этому придается большое значение, приглашают ученых и общественность. Человек выступал и говорил, что проблема перенаселения — ужасная проблема, с которой не покончено, но мы должны быть оптимистами, потому что, если вы не оптимист, никто с вами считаться не хочет, в особенности в Америке, где надо, спрашивая: «How are you?» — отвечать: «Fine, thank you». Ну, он выступал, я был согласен с каждым его словом, только всюду у него был оптимизм, а у меня всюду пессимизм. (Ухмыляется.) И я задал вопрос, говорю: «Как же вы можете быть таким оптимистом? Откуда у вас оптимизм?» Казалось бы, наоборот, вот эта селекция, о которой я только что говорил. Женщина, которая вела лекцию, президент, по-моему, этой ассоциации, ей не понравилось, и она прямо по-советски сказала, чтобы больше никто не противоречил выступающему, а задавали бы ему вопросы, не препирались бы с ним. Потом они выставили эту лекцию в интернете. И мне было интересно, что же они сделали с вопросами и ответами? Очень просто: они вырезали вопросы и ответы и дали просто выступление.

У нас есть популяции, где происходит демографический коллапс. Россия например. То, что приносит большую пользу, то, что в Китае называется «политикой одного ребенка». Но все-таки есть районы и страны, где этот процесс происходит слишком медленно. И впереди ужасные проблемы. Взять Гаити или Бангладеш. Смотришь эти жуткие условия бедности в некоторых странах, дети бегут повсюду... Я год жил в Германии. Ждешь, ждешь автобуса... Кто ждет?.. Одни пенсионеры.

Однажды в Мексике мы ехали с женой, и надо было заправиться. Там столько детей! Вся страна как детский сад какой-то. Я заехал на заправочную, смотрю в зеркало заднего вида — бегут... ну, сотни детей! Но никаких плохих намерений: они бедные. С какой-то машиной, которая чистит апельсины. Они держат в своих грязных ручках, и эта белая цедра — она черная уже. Я смотрю, а там бегут человек двести, наверное. Я испугался, нажал на газ и уехал, хотя у меня даже не было времени, чтобы выяснить,

достаточно ли у нас бензина, чтобы доехать до следующей бензоколонки. Может быть, нам удастся это урегулировать, но как быть с этой селекцией? Ведь сейчас у нас селекция на желание иметь потомство. И когда люди будут считать, что это важнее, чем что бы то ни было другое, чем больше детей, тем лучше...

Д.С.: То есть для большинства человечества так?

Д.Г.: Смотря как. Помню, я был в аспирантуре, у меня был приятель из Пакистана, у них уже тогда шла программа, чтобы уменьшить число детей. Он сказал: «У нас плакаты правительство расклеивает: на одной половине улыбающаяся семья — муж, жена и трое хорошо одетых детей, на другой половине — в лохмотьях, грязи, несчастные люди, у них тринадцать детей. А люди подходили к плакату и говорили: «Бедный мужчина, у него только трое детей». Конечно, это преодолевается. И падает сперва рождаемость, потом падает и смертность, и есть надежда на то, что это все уравнивается, и у нас будет стабильная популяция. Но я боюсь, что у нас популяция уже превосходит то, что планета может поддерживать на долгосрочной основе.

Мы сейчас просеиваем доступный слой нашей планеты. Когда тот или иной ресурс кончится, он кончится. Что мы будем делать, когда уже нечего будет выкапывать из земли? Вы правы, может быть, что-нибудь придумают, новые реакторы, синтез атомный. Ну, дай бог! А если нет? Когда мой сын объявил, что хочет жить с гонораров, я говорю: «А что если нет?» (*Смеется.*) То есть, я очень рад, что у него творческие идеи и почин, я это поощряю, но нужно быть реалистами, мы должны исходить из того, что если у нас будет планета здоровых, умных людей, с чистой экологической средой, которые живут за счет обновляемых ресурсов — они, как мы знаем, не бесконечны — это лучше, чем просто бросаться вперед и говорить: «Они что-нибудь придумают». Но когда людям это говорят, у них один и тот же ответ: «Мы что-нибудь придумаем». Даже хуже, если взять гражданское общество и общественные программы.

Мое поколение беспощадно эксплуатирует своих собственных детей и внуков. Например, у нас есть программа медицинского страхования для пенсионеров, не только для бедных пенсионеров, но и для богатых пенсионеров. Я говорю нашим друзьям: это все хорошо, но у нас пятьдесят миллионов американцев вообще без страховки. И зачем субсидировать богатых пожилых людей, а молодые бедные, что с ними будет? И одна и та же реакция, хорошие люди, наши друзья, мы их знаем давно (во всех отношениях порядочные люди), у них каменеет лицо, и они говорят: «А мне все равно, я платил, я хочу мое». Я отвечаю: «Ну, вы платили, но вы не платили достаточно, пирамида кончится». И тогда просто сквозь зубы: «I paid, I want mine» («Я заплатил, я хочу мое»). Все. И меня считают не просто приятелем, с которым они не соглашались, меня рассматривают как личного врага, предателя своей возрастной группы. Тут речь идет о детях и внуках тех же людей. Что же говорить, когда речь идет о людях, которые будут жить через тысячу лет. Это абсолютно никого не волнует. Мы созданы эволюцией, когда альтруизм направлен в сторону людей, с которыми мы разделяем общие гены: на наших детей. Это 50% наших генов. Наши внуки — четверть. А когда вы говорите: «Через десять поколений», — вас рассматривают как полоумного, идиотика.

Конечно, мы не можем знать, где лимиты. Но лимиты есть. И какова цель, провозглашаемая цель нашего общества? Максимальное потребление. А кто стремится к бедности? Смотришь, читаешь программы правительственные — что они пишут: как разбогатеть, как больше потреблять, — не просто разбогатеть ради богатства... Так что у меня пессимистический взгляд. На мой век хватит, я не жалею на свою судьбу, а что будет в дальнейшем, бог знает.

О собственном значении и проституции ученых

Д.С.: Скажите, в ваших занятиях социобиологией и евгеникой и всем этим новым для вас направлением после литературы какие вы видите свои основные заслуги и достижения?

Д.Г.: Мои? Да ничего особенного. (*Смеется.*)

Д.С.: Ну все-таки.

Д.Г.: Я всегда был диссидентом. Я ничего не добился, то есть я занимался эмигрантами, когда занимался литературой, я ничего не изменил. Развалился СССР, и факторы мощные создали интерес к этой теме. А моя здесь заслуга нулевая, а теперь я занимаюсь евгеникой, не потому, что считаю, что я переделаю человечество послезавтра в десять часов утра. Нет, я пессимист. Ну а что еще делать? Глупо умирать богатым, нам с женой хватит, мы вполне довольны нашим материальным состоянием. Ну а чем еще заниматься? Рано или поздно это будет проблема всех обществ. Если взять традиционные верования религиозные: существует Бог, и он тщеславен и нуждается в постоянной похвале, и смысл нашей жизни в том, чтобы задабривать его. Это вечная проблема. Есть прекрасный роман, даже не роман, не знаю, как назвать — книга, написанная французской писательницей Маргерит Юрсенар «Воспоминания императора Адриана». Великолепная книга, как бы он думал, когда, скажем, создавал эту стену через всю Англию... Понимаете, если вы вернетесь в Древний Рим, они были заняты такими же вопросами, как мы сегодня, и на эти вопросы нет ответа.

Почему я занимаюсь евгеникой? Я ничего не добьюсь сам, если и будет что-нибудь, то не в результате моей жалкой деятельности. Скучно заниматься тем, чем все другие занимаются. Так что опасения, что я представляю опасность обществу, совершу революцию и переделаю человечество, уверяю вас, нам всем это совершенно не светит, абсолютно не светит. Говорят, ведущие мыслители, Фрейд, Маркс, — общество их подхватило, не то что они сами это сделали, но факторы, куда более мощные, чем они сами. Вы можете быть сто раз правы, ну и что из этого? Вы напишете книгу, университетское издательство издаст двести — триста экземпляров, и... Так что почему я этим занимаюсь и какие у меня успехи — никаких успехов нет, я их и не ожидаю.

Д.С.: Но вы издаете книги, книги читаются...

Д.Г.: Ну и что, это ничего не меняет.

Д.С.: Просто меняет слишком незначительно.

Д.Г.: Вот я получил недавно письмо от одного идеологического противника. Он просит у меня информацию. Я ему дал и спрашиваю: «Вы читали мою последнюю книгу „Еврейская Евгеника“?» Он: «Конечно, читал». Но этим и ограничилось. Он не стал рецензировать, не стал даже комментировать, но он хотя бы интересуется, а большинство людей даже не [интересуется]. Понимаете, есть общественная дискуссия, и она не имеет практически никакого отношения к реальности. Или это какая-то чепуха: какую косметику покупает та или иная кинозвезда, какие у них любовные отношения, кто выиграл в футбол на прошлой неделе. Настоящие вопросы бытия, направленности нашей цивилизации, выживет ли цивилизация — это мало кого интересует. Так что я ничего не достиг и не ожидал, что достигну, как любой виртуал. (Усмехается.) У нас раздутые впечатления о собственном значении. На самом деле есть власть, будь она советская, американская, римская, древнегреческая, татарская, — какая хотите. Власть есть власть, и есть всегда такие самозванцы, которые изрекают свое мнение. Подумаешь...

Д.С.: Ну хорошо, если власть всегда запаздывает в своем развитии по отношению к передовой части общества, но все-таки власть бывает чуть умнее, чуть глупее. И чуть умнее власть может принимать правильные решения и поддерживать ученых. На ваш взгляд, взаимоотношения «ученый и власть» как должны строиться, как могут строиться, не в идеале, конечно, но что должно быть?

Д.Г.: Что должно быть — это одно. Но что есть, я могу вам сказать: проституция.

Д.С.: Проституция ученых?

Д.Г.: Да. Их настолько дешево купить, что даже смешно.

Д.С.: Ну, не поголовно.

Д.Г.: Нет, не поголовно. Но если у меня будут деньги, скажем, я объявлю: сейчас будет конкурс, как изучать цвет этого куска материи на диване. У меня будут институты, фонды, творческие командировки, бассейны, пенсии, телевизионные программы, люди будут писать о том, на ком он женился, как его дети устроили

скандал — это все будет. Надо быть реалистами. Но никто не хочет говорить о своей собственной никчемности, что они ничего не добьются. Так что мой ответ, чего я достиг: ничего не достиг. Но не жалею. Надо чем-нибудь заниматься, скучно ничего не делать.

Об идеологии, СССР и американской политике

Д.С.: Ясно. Можно еще один вопрос, последний?

Д.Г.: Пожалуйста.

Д.С.: Мне очень интересно спросить вас про идеологию в принципе, поскольку вы были, так сказать, наверху политической жизни, встречались с сильными мира сего и знаете, собственно, идеологию, как советскую, так и американскую, и наверняка многие другие. На ваш взгляд, должна ли быть идеология в новом обществе, в современном обществе, и можно ли от нее отказаться? Если она должна быть, то какая идеология сейчас для человеческого общества была бы хороша?

Д.Г.: Понимаете, в том-то и дело, что есть официальная идеология, это то, что, скажем, политики выдвигают ту или иную точку зрения. Если они умные люди, а не просто подставные лица, они понимают, что официальная идеология — это миф. Но они знают, что можно, что нельзя. Человек, который занимается политикой честно... Чтобы заниматься политикой, нужно стать на ту или иную официальную точку зрения, но редко бывает, чтобы эта точка зрения реально существовала среди понимающих людей. Эта та точка зрения, которую можно защищать. И он занимает позицию, пост какой-нибудь и думает: «Лучше я буду делать это, а то другой возьмет — будет еще хуже». Но другой человек с влиянием как у политика, если он, повторяю, не подставное лицо — часто бывает, что реальные силы общества выдвигают людей, которые просто предельно глупы. Могу прямо назвать конкретные примеры.

Д.С.: Назовите, конечно. Конкретные примеры всегда интересны.

Д.Г.: Скажем, Буш младший. Это, конечно, богатая, влиятельная семья, его дед, кажется, был сенатором, отец — президентом. Сам он был типичным студентом в университете, который ничем не интересовался, кроме пива и футбола.

Д.С.: Даже марихуаной.

Д.Г.: (*Смеется.*) Но его выдвинули именно потому, чтобы он плохо понимал Сару Пэйлин, которая была кандидатом в вице-президенты, или до него был Дэн Куэйл — вице-президент у Буша старшего. Выбирали людей, которые мало что понимали, и выбирали их именно потому, что они не понимали, что ими можно манипулировать. И есть люди, которые очень хорошо понимают... Я почему могу говорить то, что думаю: у меня никаких иллюзий нет, что я стану глобальным диктатором. Если мне скажут, что есть такая возможность, я тут же тоже замолчу (*смеется*). Понимаете, у нас есть выборы, и как это получается: специалисты, которые проводят опросы общественного мнения, узнают, что люди хотят слышать, — и политики это говорят.

Д.С.: Понятно. А скажите, в советское... Вы, в общем, уникальный человек, поскольку занимались советской культурой, русской культурой и приезжали сюда. Скажите, что в советской идеологии и в политической жизни советской было хорошего? Потому что про плохое мы знаем.

Д.Г.: Вот сейчас, разочаровавшись сам в политической обстановке и разуверившись в том, что добро восторжествует, и что все будет великолепно на земле, и будет один кисель без горечи, я, оглядываясь на советский период... Я ведь семнадцать лет не получал визу. Я переводил несколько книг: одну о диссидентах, другую — «Колымские рассказы» Варлама Шаламова. Я занимался диссидентами и поэтами. Моя книга — переводы Николая Клюева, который погиб в Сибири.

Я однажды встретился со старшими работниками американской почтовой службы. Это была мощная империя, и у них был, конечно, мощный профсоюз. Я им сказал: «Вы знаете, у вас проблема

с сортировщиками, это же очень много денег стоит: столько людей, письма всякие». (Тогда еще писали.) На советских конвертах определенных размеров есть сетка для почтового индекса, и машина читает все — великолепная идея. Я повторяю: тогда люди еще писали письма, так что... реальная выгода. Но эти чинуши и слышать не хотели, потому как профсоюз будет против: ведь кто-то останется без работы. Я сейчас читал лекцию в университете, и там один мой приятель, доцент русской литературы, я ему говорю: «Вас, литературоведов — я сам литературовед, — надо всех объединить в одну кафедру. То есть почему русская литература, испанская, китайская... И можно сократить число профессоров». Конечно, ему эта идея не понравилась. Были хорошие идеи в СССР, просто они плохо претворялись в действительность, в жизнь. Есть такой биолог в Гарварде, кажется, чуть ли не отец социобиологии, Эдвард Осборн Уилсон, и он сказал: «Коммунизм — это великолепная идея, просто прекрасная идея, но не для нашего биологического вида». Он специалист по муравьям и термитам. То есть идеальные коммунисты — это коммунисты-идеалисты, готовые пожертвовать всем, не то, что мы. И получалось, что коммунистическая система не учитывала наши биологические недостатки. У нас нет этого альтруизма. Так что, когда невозможно было за счет стахановщины, создали НКВД, ОГПУ, КГБ и так далее, лагерь. Это не работает. Когда моему пасынку было одиннадцать лет, они приехали с моей женой из Советского Союза, он не любил овощи. Понимаете, был бедный период, жизнь была бедная, и он не привык. Я говорю: «Ну, попробуй, попробуй». Он: «Нет, не буду, нет, не буду», — не мог себя побороть. Я заставлял: «Ты будешь есть брокколи и спаржу!». Но конечно, я проиграл эту войну (*смеется*), потому что насильными методами ничего не добьешься.

” Но оглядываясь на советский период, в общем и целом это был ужасный удар по русской культуре, во всех смыслах. Успехи экономические оказались в большой степени эфемерными, общество военизированным. Теперь я понимаю, что агрессивность была обоюдная.

Д.С.: Только теперь понимаете?

Д.Г.: Знаете, да, потребовалось семьдесят лет, чтобы я понял.

Д.С.: Просто раньше это вас не интересовало?

Д.Г.: Ну, раньше я думал... Понимаете, нас, интеллектуалов, кооптировали. Что бы мы ни говорили, мы жаловались на СССР, и это именно то, что им было нужно. Главное, чтобы мы жаловались и критиковали СССР, и мы получали стипендии, работу, и они говорили: «Да-да-да, все очень хорошо». А на самом-то деле властям западным это было до лампочки, потому что сейчас они делают то же самое.

Д.С.: А что сейчас, может быть, вы знаете, из всего-всего, что можно назвать Россией, интересно и заслуживает внимание среди ученого мира и элиты, творческой интеллигенции Соединенных Штатов?

Д.Г.: Я не понял вопроса.

Д.С.: У меня знакомые, мои друзья, ездили этим летом по Европе на машине, проехали шестнадцать или семнадцать стран. Вот Гагарин, спутник, матрешка, Путин, Pussy Riot. Сейчас, если кто-то говорил о России, в новостях или в кабаке, говорили о Pussy Riot. Это такая любопытная ситуация, когда, в общем, мелочь стала символом нашей страны. Вот о чем из явлений культуры и вообще как бы о русском говорят и вспоминают сейчас люди вашего круга, вашей Ойкумены, и вспоминают ли вообще о чем-нибудь?

Д.Г.: Интерес к России в большой степени просто пропал. Если говорить о Pussy Riot (я не буду переводить это на русский язык) (*смеется*), это говорит о мощи нашей власти, это монополия, и они могут все что угодно выдвигать, и люди это кушают. Взять хотя бы Руперта Мердока, газетного магната. У него целая империя — книги, телевидение, радио, журналы. Среди его публикаций была чуть ли не старейшая английская газета, самая многотиражная газета на английском языке в мире, она просуществовала

168 лет. Выяснилось, что они делали: они подслушивали телефонные разговоры людей, их шантажировали. Они даже не погнушались подслушивать королевскую семью. Когда это выяснилось, он должен был давать показания. Как он сказал: «Вы знаете, это такая огромная газета...» Я повторяю — самая многотиражная [газета] на английском языке в мире. «Эта газета меньше чем один процент моего портфеля — Вы хотите чтобы я следил за каждой деталью?» И потом — свобода прессы. Это свобода прессы для тех, кто владеет прессой, кто владеет газетами и журналами. Я могу пожаловаться жене, ложась спать — у меня свобода слова, и у Мердока свобода слова. Смешно думать, что я какую-либо роль играю, я букашка перед ним. Он давал показания в американском сенате, в конгрессе — это унижительно было что конгрессмен перед камерами спросил: «У вас нет работы для меня?»

Д.С.: Может это была шутка?

Д.Г.: Нет. Ну это было вполне серьезно. Ну он как бы шутя спросил, но нет... Вся идея что все средства массовой информации в руках небольшой группы людей, которые могут уместиться за вашим обеденным столом. Две партии в Америке как Добчинский и Бобчинский одинаковые — и говорить что это демократия? Я могу продолжать, но если вернуться к вашему вопросу о моем отношении к советской власти, оно по-прежнему отрицательно, но с другой стороны иллюзии у меня исчезли: я вижу недостатки и в нашей системе, о которых я раньше не думал так много. Понимаете, люди молодые — они наивные еще. Есть такой ученый — Жак Эллюль, француз, он написал книгу «Теория пропаганды». Он сказал: «Какая группа наиболее подвержена пропаганде? Интеллигенция — у них больше непроверенной информации». Если вы спросите какого-нибудь профессора-специалиста по, скажем, истории китайской живописи XV века о, скажем, проблемах экономических, у него тут же будут свои взгляды на это. У него больше непроверенной информации: он не был на Мадагаскаре, но он знает, что Мадагаскар существует, а вдруг никакого Мадагаскара нет? Он считает себя не только вправе иметь мнение обо всем, он считает себя обязанным иметь мнение обо всем. Вся эта наивная надежда: ты не согласен — напиши книгу, все ахнут и будут падать ниц, все поймут. Нет, этого не будет.

СССР... Я семнадцать лет визу не получал. Прекрасно понимаю обо всех этих ужасах. Но у любой власти — на то и власть — она с одной стороны пытается как лучше, а с другой стороны если она не будет применять силу — это не власть. Я мечтаю что я что-либо выражаю, что я какую-либо роль играю и мне позволяют высказываться жене. Big deal! Так же когда Мердок решил Pussy Riot разрекламировать — что ему стоило. Выдаются липовые вопросы, липовые кандидаты, а на деле имеющие власть наблюдают за всеми этими процессами и ухмыляются, потому что какая бы лошадь ни пришла первая, он владеет и этой лошадью.

Д.С.: Но получается почти мировой заговор, хотя...

Д.Г.: Нет, понимаете, что мировой заговор предполагает единое... На самом деле любое общество это комплекс заговоров. Каждый участвует в заговорах в той или иной мелкой степени. Если вы один — конечно нет заговора, но если вы с кем-то, то это уже заговор. Что такое заговор? Это просто отрицательное слово обозначающее групповые усилия.